

С. И. ЛИБЕРМАН

Дела и люди

<Фрагмент>

<...>

Однажды, в 1920 году, я был вызван в поезд Главного военного комиссара Л. Д. Троцкого, накануне его отъезда на Урал для превращения частей Красной армии в трудовые батальоны. Речь шла о заготовке древесного топлива для уральской металлургической промышленности, работавшей в то время исключительно на древесном угле. Так как на мне лежали ответственные обязанности по заготовке топлива для всей страны, я не мог сопровождать Троцкого в его путешествии. Поезд его был настоящим «красным боевым ковчегом»: там были специалисты по всем отраслям хозяйства, набранные из самых разнообразных учреждений, несколько десятков крупных большевистских деятелей, военные, инструктора. В него грузили продовольствие, орудия производства, машины и пулеметы. Работа кипела: только что вернувшиеся с фронта гражданской войны победоносные красные командиры хотели показать «штафиркам-хозяйственникам», как надо действовать.

Это был тот самый, уже ставший знаменитым, военный поезд Троцкого, о котором он писал следующие строки в октябре 1920 г., отправляясь в Крым против армии генерала Врангеля:

«Наш поезд снова держит путь на фронт.

Бойцы нашего поезда были под стенами Казани в те тяжкие недели 1918 года, когда шла борьба за Волгу. Эта борьба закончилась давно. Советская власть приближается к Тихому океану.

Бойцы нашего поезда с честью дрались под стенами Петрограда... Петроград уцелел, и в его стенах перебивало за последние годы немало представителей мирового пролетариата.

Наш поезд не раз бывал на западном фронте. Ныне с Польшей подписан предварительный мир.

Бойцы нашего поезда были в степях Дона, когда Краснов, а затем Деникин наступали с юга на Советскую Россию. Дни Краснова и Деникина прошли давно.

Остался Крым, который французское правительство превратило в свою крепость. Белогвардейским гарнизоном этой французской крепости командует вольнонаемный немецко-русский генерал барон Врангель.

В новый поход отправляется дружная семья нашего поезда. Да будет этот поход последним»¹.

Фактически крымская кампания и оказалась последней главой Гражданской войны.

Когда Троцкого спросили, как он хочет назвать свой поезд, он ответил: «Поезд победы». Он хотел, чтобы слава этого поезда перешла также и на экономический фронт.

Я сидел в одном из отделений вагона Троцкого и обсуждал вопрос о топливе с рядом военных специалистов, когда вдруг раздался звонок: к телефону вызывали Пятакова², старого заслуженного большевика, о котором Ленин, в своем завещании, отзывался как об одной из надежд коммунистической партии. Он состоял членом Революционного военного комитета южного фронта и других³. Пятаков нервно схватил трубку, ответил: «Слушаюсь!» и поспешно стал напяливать на себя все свое военное обмундирование. Он туго затянул пояс, надел шашку, пристегнул кобуру с револьвером и, не глядя на нас, промолвил: «Лев Давидович любит пафос дистанции... Вероятно, он прав».

Эту дистанцию между собой — вождем Красной армии — и своими подчиненными Троцкий соблюдал весьма строго. Он всегда подчеркивал это, но не как свое личное превосходство, а как свое особое положение. Мне не раз приходилось замечать эту черту его характера на заседаниях Совета труда и обороны, на которых он появлялся, когда приезжал в Москву с фронта.

Нужно сказать, что для некоммунистов, занимавших руководящие посты в государственной машине, заседания Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны, на которые их иногда приглашали, были особенно интересны и поучительны: там проявлялись взаимоотношения вождей и отражались тайные процессы, закулисные столкновения и личная борьба, происходившие внутри ведущей коммунистической головки. Главные

решения принимались не здесь, а в Центральном комитете коммунистической партии, позднее в Политбюро. Совет народных комиссаров и Совет труда и обороны были рангом ниже, хотя они и соответствовали тому, что в буржуазных странах называется кабинетом министров. Только текущие, так называемые деловые вопросы ставились здесь на обсуждение, после того как принципы были заранее установлены партийными органами. Но вполне естественно, особенно в горячие моменты той эпохи, что в процесс практической работы врывались отголоски больших политических вопросов и тех споров, которые они возбуждали в высших партийных учреждениях.

На заседаниях СТО всегда председательствовал Ленин, а членами СТО были лишь те наркомы, которые ведали экономическими и военными делами. <...>

Особое положение занимали только Троцкий, Дзержинский, а отчасти Красин.

Это чувствовалось хотя бы потому, что их появление во время заседания немедленно прерывало намеченный порядок дня: тотчас же начиналось обсуждение вопросов, связанных с их деятельностью. Быть может, это объяснялось тем, что вопросы военные и внутренней политики были важнее многих других; но тут сказывалось также исключительное значение этих людей как руководителей Советского государства.

Любопытна еще одна подробность. На заседании все друг друга называли по имени или по партийной кличке старого времени. К Дзержинскому обращались иной раз официально, по имени и отчеству, но иногда и более фамильярно: товарищ Феликс. Что же касается Троцкого, то к нему никто иначе не обращался, как официально: Лев Давидович.

У него было особое положение. Недавно еще противник большевизма, он заставил уважать себя и считаться с каждым своим словом, но оставался все же чуждым элементом на этом собрании старых большевиков. Другие народные комиссары, вероятно, ощущали, что ему можно простить старые грехи за нынешние заслуги, но окончательно забыть его прошлое они никогда не могли. Ленин, со своей стороны, уважал и подчеркивал не только военные, но, главным образом, организационные таланты Троцкого. Видно было, однако, что это вызывало подчас среди сотрудников Ленина некоторое недовольство и ревность.

Ленин, вероятно, ценил революционный темперамент Троцкого и помнил его роль в подготовке и осуществлении захвата власти в октябре 1917 года; кроме того, всем было отлично известно, что Троцкий фактически создал Красную армию и, благодаря своей неутомимой энергии и пламенному темпераменту, обеспечил ее победу над белым движением. Вообще, в борьбе против контрреволюции и иностранной интервенции Троцкий всегда был на первом плане. В то время Ленина называли «мозгом и волей революции», а Троцкого — «ее разящим мечом». Это пышное определение вполне соответствовало той несколько театральной шумихе, которой он любил окружать свои выступления.

Чувствуя за собой поддержку Ленина, Троцкий на заседаниях, где я его наблюдал, держал себя обособленно, говорил очень авторитетно, а по мере того, как развивались его успехи на фронте, в его поведении появилось даже нечто вызывающее. Эти вызывающие нотки звучали в особенности по адресу так называемых хозяйственников, которые в ту пору никакими успехами похвастаться не могли. Они должны были снабжать армию, работа их оказалась неудовлетворительной с точки зрения как армии, так и гражданского населения. Стрелы Троцкого попадали, главным образом, в руководителей хозяйственных учреждений. Троцкий как бы говорил на этих заседаниях:

— Вот, погодите, мы сначала расправимся с белогвардейцами, а тогда двинемся наводить порядок внутри страны.

Я помню первый конфликт между Троцким и Политбюро. Речь шла о том, будто бы Главный штаб армии давал одни распоряжения, а Царицынский — другие, следуя принципу: «власть на местах». В этой борьбе будто бы «места» имели неофициальную поддержку Сталина. Так как Сталин в это время был членом Совета Южной революционной армии⁴ и находился в Царицыне (впоследствии Сталинград), между тем как военные распоряжения исходили из центра, то есть от Троцкого, конфликт очень быстро принял острую форму.

Наконец, Троцкий потребовал отзыва Сталина с Южного фронта. Политбюро вначале постановило не делать этого, но по настойчивому требованию Троцкого Сталин все же был отозван. В руководящих партийных кругах говорили тогда с раздражением, что Троцкий якобы начал контрреволюционную дезорганизаторскую работу и не желал подчиняться решениям партии. Большинство

партийных вождей было тогда на стороне Сталина, но не из любви к нему, а из антипатии к Троцкому.

На тех заседаниях, где я участвовал, можно было отчетливо видеть разницу между Лениным и Троцким. Ленин был вождем, в задачи которого входило не только руководить, но также и сглаживать противоречия и шероховатости; иной раз казалось даже, что деятельность его полна компромиссов и уступок. Радек сказал о нем: «Ленин, как истый марксист, принимает решения на основании фактов, а уже только потом строит теорию, объясняющую эти решения».

Между тем Троцкий никогда не сгибался, всегда был полон уверенности в том, что он не только знает, чего хочет, но знает также, каким путем надлежит идти к цели. Когда докладывали Ленину — он слушал и прислушивался, Троцкий же выслушивал. Он всегда давал понять, что знает больше собеседника.

Это происходило, вероятно, оттого, что он был «властителем масс», мог их двигать на подвиги. Он сам описал подобный эпизод в своей автобиографии: «...проезжая через Рязань, я решил посмотреть на них (дезертиров, укрывавшихся от призыва в Красную армию). Меня отговаривали: “как бы чего не вышло”. Но все обошлось как нельзя быть лучше. Из бараков их скликали: “Товарищи-дезертиры, ступайте на митинг, товарищ Троцкий к вам приехал”. Они выбегали возбужденные, шумные, любопытные, как школьники....Взбравшись на стол тут же на дворе, я говорил с ними часа полтора. Это была благодарнейшая аудитория. Я старался поднять их в их собственных глазах и под конец призвал их поднять руки в знак верности революции. На моих глазах их заразили новые идеи... Я не без гордости узнавал потом, что важным воспитательным средством по отношению к ним служило напоминание: “А ты что обещал Троцкому?” Полки из рязанских “дезертиров” хорошо потом дрались на фронтах». В той же главе своей автобиографии Троцкий вспоминает о том, как в феврале 1919 года он говорил молодым красным командирам в Москве: «Дайте мне три тысячи дезертиров, назовите их полком; я дам им боевого командира, хорошего комиссара, подберу начальников для батальонов, рот и взводов — и эти три тысячи дезертиров в четыре недели превратятся, в нашей революционной стране, в великолепный полк»⁵.

Лично я присутствовал на знаменитом митинге представителей реввоенкомов, приехавших с фронта накануне июльских событий

1917 года. Это было в манеже, где собрались не рядовые солдаты, а руководители революционных комитетов. Большинство присутствующих было настроено против большевиков, которых обвиняли в разложении фронта. Тогда я впервые услышал Троцкого, только что вернувшегося в Россию. Встретили его очень враждебно, стоял невероятный шум, гул; слова его, настоящего трибуна, однако, все сильнее — словно свист бичей — хлестали аудиторию и громили беспомощность Временного правительства. К концу его речи слушатели либо аплодировали, либо, смущенно опустив голову, молчали... Выступавший вслед за Троцким тов. Абрам (впоследствии знаменитый Крыленко) уже имел готовую аудиторию. Это был первый большевик с фронта, который мог решиться говорить перед таким собранием...

Теория Троцкого относительно масс в общем сводилась к следующему: человеческий коллектив состоит из громадного инертного большинства — безразличных или нерешительных людей — и небольших групп на противоположных флангах, представляющих лучший и худший элементы. От преобладания одного из них зависит воля большинства, и поэтому Троцкий так гордо говорил о своем влиянии на народ. Умение руководить массой, вести пропаганду — он считал решающим фактором. В такой теории, очевидно, кроется большое презрение к человеку во имя обожествления массы. Это и была та любовь к дальнему и безразличие к ближнему, которое так чувствовалось при встрече с Троцким.

Ленин принимал, например, решения о расстрелах так же легко, как и Троцкий. Для Ленина в этом было что-то абстрактное, но необходимое. Троцкий же не забывал, что это революционный акт, на который он в тот же момент смотрел уже с исторической перспективой.

Он всегда помнил, что находится на мировой сцене, и играл свою роль соответственно, постоянно ощущая устремленные на него взоры участников и зрителей великой революционной драмы.

Моя первая личная встреча с Троцким относится к концу 1920 года.

Гражданская война кончилась полной победой Красной армии. Шла демобилизация, из армии возвращались сотни коммунистов, среди которых было много очень способных, подчас талантливых людей и таких видных деятелей, как Пятаков, Смилга, Данишевский и другие. А во главе военных коммунистов стоял Троцкий.

Их распределяли теперь по гражданским ведомствам, главным образом, на хозяйственную работу. Но очень скоро обнаружился антагонизм между военными большевиками и теми, которые все время вели работу в тылу. Когда большевиков посылали раньше в армию к Троцкому, они обычно были исполнены некоторого недоверия к этому человеку, который до апреля 1917 года, на протяжении многих лет, вел ожесточенную борьбу с их фракцией. Но в процессе военной работы они сживались, и через несколько месяцев антагонизм между Троцким и его сотрудниками-коммунистами исчезал. Все они сделались тогда «троцкистами». Этот термин — он имел тогда иной смысл, чем впоследствии — кажется, впервые был применен по отношению к этой группе большевиков.

Троцкий вернулся с фронта в Москву с идеей создания больших трудовых армий. Красная армия должна была превратиться в рабочую организацию. Троцкий хотел не демобилизовать страну, а милитаризировать хозяйство. Так как он предполагал применить свои трудовые батальоны, в частности, в лесном хозяйстве на Урале, он вызвал меня к себе через моего нового начальника — бывшего его сотрудника по военному ведомству — Данишевского.

Мне указали, что следует быть очень точным. Я явился к 12 часам в помещение Наркомвоена. Но попасть к Троцкому было гораздо сложнее, чем к Ленину. Приходилось пройти через пять комнат, где у дверей находились щегольски одетые военные. В последней комнате перед кабинетом Троцкого стояло двое часовых. Наконец я очутился перед большим столом со всеми атрибутами стола министра. Передо мной сидел начальник Революционного военного совета Троцкий. Во всех его движениях и словах заметно было, что он творит революцию, что на него смотрят века и народы, что он великий человек. В то время как от Ленина веяло простотой, от Троцкого исходил холод и надменная формальность. Его облик: зачесанные назад густые, упрямые волосы, черные с проседью; подстриженная, клинообразная бородка; хорошо скроенный полувоенный костюм цвета хаки; высокие солдатские сапоги офицерского образца; нервные, с удлиненными пальцами руки; жесткие умные глаза и пенсне — все это как-то сразу напомнило мне, что я нахожусь в присутствии министра.

Он сидел за большим письменным столом, от которого веяло порядком и дисциплиной. Стол этот был уставлен множеством всяких письменных принадлежностей; особенно меня поразили

хорошо отточенные и в порядке разложенные разного цвета карандаши.

Троцкий предложил мне сесть, но стол был настолько широк, что я наглядно почувствовал «пафос дистанции».

Много позже — я ничуть не был удивлен, узнав, что Ленин в своем завещании характеризовал Троцкого как талантливого вождя, но отдающего слишком много внимания проблеме организации⁶.

Троцкий мог двигать массами, но в нормальной, повседневной жизни формула у него господствовала над реальностью, теория над практикой. Этим, вероятно, и объясняется его неумение приспособиться к обстановке, когда нужно было «давать и брать», и он — хотя ближайшие сотрудники и обожали его — оставался одинок...

За полчаса моего разговора с ним контакта так и не удалось установить. Я не переставал чувствовать, что докладываю министру. Он пытался меня убедить — но тоном повышенным, — что армия может теперь стать главным фактором лесозаготовок.

Он авторитетно начал мне доказывать, как трудовые команды справятся с тем, чего не мог сделать русский мужик. Я осторожно обратил его внимание на то, что леса неравномерно разбросаны по всей стране и что крестьянин лучше приспособлен для заготовок древесного топлива, так как он живет вблизи лесов. Главное затруднение лишь в том, что мы до сих пор не могли дать мужику достаточно хлеба для его пропитания и овса для его лошадей. Между тем, при заготовке древесного топлива рабочими батальонами, нам понадобится больше пищевых и кормовых продуктов, и в то же время заготовленный лес будет сконцентрирован крупными массами в отдельных районах, тем самым еще увеличивая транспортные затруднения.

В ответ на мои доводы Троцкий заявил, что все эти соображения старого буржуазного порядка. Работа батальонов — шаг вперед по пути завоеваний советской власти и освобождения крестьянина от его косности: мы должны показать русскому мужику, как надо работать, необходимо дисциплинировать наш аппарат, — и это будет первый шаг к истинному социализму. Я сразу почувствовал, что нахожусь в стенах Реввоенсовета...

Однако события приняли иной оборот. Идея милитаризации была мертворожденной. С окончанием гражданской войны исчезли военные импульсы, побуждавшие и позволявшие принимать очень решительные, суровые меры, ибо все это было «для армии». Самый

факт окончания гражданской войны не позволял больше добывать из деревни продукты простым принуждением. Раньше казалось, что можно оправдать эти меры опасностями, угрожавшими революции; теперь же все сознавали, что в хозяйстве разруха и что нужны другие стимулы для оживления экономической деятельности.

В 1921–23 гг. ни для кого не было секретом, что Троцкий часто бывал в оппозиции к основной линии партии — и отчасти и к Ленину — и что разногласия по ряду вопросов отделяют его от некоторых других вождей. Об этом тогда все говорили, да и советская пресса многое сообщала из этой области. И все же для всех, кроме посвященных, положение Троцкого в партии и правительстве казалось не только прочным, но и — после Ленина — руководящим. Поэтому, когда Ленин умирал, казалось несомненным, что либо Троцкий один займет пост вождя, либо разделит его с кем-либо из ближайших соратников Ленина. Дело, однако, приняло другой оборот.

Когда положение Ленина было признано безнадежным — это было в конце 1923 года — и в Политбюро обсуждался вопрос о его заместителе, я был в Москве, приехав из Англии. Явившись на квартиру к Рыкову⁷, я узнал, что заседание Политбюро еще не кончилось, и решил обождать его возвращения. Вскоре явился Ломов, который, конечно, был посвящен во все тайны подготовлявшихся решений.

— Заместителем Ленина, — спросил я, — выбрали, конечно, Троцкого?

— Нет, — ответил Ломов. — Мы предпочитаем трех с головой поменьше, чем одного с двойной головой.

И он пояснил:

— Революция вошла в свою колею, и теперь нам нужны не гении, а хорошие, скромные вожди, которые будут двигать наш паровоз дальше по тем же рельсам. А с Львом Давидовичем никогда не знаешь, куда он заведет.

